

И.В. Манзура

Govedarica Blagoje. *Zepferträger – Herrscher der Steppen. Die frühen Ockergräber des Äneolithikums im karpaten-balkanischen Gebiet und im Stepperraum Südost- und Osteuropas.* Heidelberger Akademie der Wissenschaften Internationale Interakademische Kommission für die Erforschung des Vorgeschichte des Balkans. Monographien Bd. VI. Mainz: Philipp von Zabern, 2004, 369 s., 56 Taf., 8 Photos, ISBN 3-8053-3365-X.

В последнее десятилетие заметно оживилась дискуссия по проблеме взаимоотношений раннеземледельческих обществ Юго-Восточной Европы эпохи энеолита с культурными объединениями степной зоны Восточной Европы. Однако продуктивность этой дискуссии, как и ранее, оставалась относительно невысокой в силу отсутствия ясного понимания того, что же представлял собой мир степных культур в момент развертывания постулируемого культурного диалога, в чем заключалась сущность взаимодействия двух столь противоположных культурных систем, к каким результатам это взаимодействие привело. Во многом этому препятствовало отсутствие обобщающих монографических работ, которые вобрали бы в себя, по возможности, все доступные материалы по энеолиту обширного степного коридора, растянувшегося от Карпат и Северных Балкан до Урала и Северного Кавказа. Конечно же, это вовсе не означает, что отсутствовали какие-либо попытки построения общих моделей развития степных энеолитических культур. Достаточно вспомнить широкие исторические полотна Н.Я. Мерперта и М. Гимбутас, обобщающие исследования Д.Я. Телегина, А.Л. Нечитайло и других ученых. Вместе с тем, большая часть этих работ затрагивала лишь отдельные степные регионы и, кроме того, представляла собой не всесторонний анализ материалов, а скорее характеристику культурно-исторических ситуаций или отдельных культур на различных этапах энеолита, основанную на привлечении соответствующих археологических источников.

В какой-то мере данный пробел восполнила коллективная монография украинских специалистов, опубликованная в 2001 году, в которой приводится сравнительно подробное описание среднестоговской и новоданиловской культур и содержится каталог памятников (Телегин и др. 2001). В пространственном аспекте указанная работа охватила степные территории Северного Причерноморья и Приазовья, а также Трансильванию и Северо-Восточные Балканы, поскольку к новоданиловской культуре был причислен и ряд погребальных комплексов Карпато-Балканского региона. За рамками работы остались памятники степного Поволжья и Предкавказья, которые, по всей вероятности, должны были связываться с иными культурными подразделениями, например, хвалынской или закубанской культурами. По своей значимости, конечно же, необходимо особенно выделить последние монографические исследования Ю.Я. Рассмакина и Н.С. Коговой, опубликованные соответственно в 2004 и 2006 годах, в которых мир степных культур получил, пожалуй, исчерпывающую характеристику.

В то же время книга Б. Говедарицы „*Zepferträger – Herrscher der Steppen*“ может, в общем-то, рассматриваться как первое полноценное монографическое исследование, в котором содержится детальный анализ и характеристика раннеэнеолитических погребальных памятников практически всего степного ареала Восточной Европы. Создание книги явилось результатом длительных исследовательских поездок автора по различным регионам Юго-Восточной и

Восточной Европы, собственноручной обработки многочисленных археологических коллекций и общения с коллегами из различных научных центров. Список специалистов, с которыми Б. Говедарица консультировался и обсуждал всевозможные аспекты изучаемой проблемы (с. 11-12), чрезвычайно обширен и по-своему свидетельствует о весьма основательной подготовке работы.

В структурном отношении монография представляет собой вполне традиционное археологическое исследование. Во вступительной части (глава I) автор характеризует суть поставленной проблемы, рассматривает способы и пути ее прежнего решения, оговаривает понятийно-терминологический аппарат, а также формулирует исследовательские задачи. В качестве таковых, прежде всего, выдвигаются установление точной хронологической позиции «охровых» захоронений в контексте европейского энеолита, разработка их периодизации, определение места и времени возникновения данного погребального обряда и выявление его значения в структуре синхронных культурных групп сопредельных территорий.

Во второй главе приводится достаточно детальная презентация материалов, которые затем анализируются в третьей и четвертой главах. На первый взгляд, из общего контекста работы как будто выбивается специальный раздел (главы VI и VII), посвященный характеристике наиболее представительных погребальных памятников соседних культур Карпато-Балканского региона и степной зоны, которые сопоставляются с изучаемыми могильными комплексами. Вместе с тем, в таком подходе чувствуется своя логика, поскольку проводимое сравнение открывает дополнительную возможность для выявления истоков рассматриваемого культурного явления. Заключительная глава VIII посвящена культурно-исторической трактовке данных погребальных комплексов, касающейся, главным образом, вопросов их происхождения, значения в европейской преистории, а также возможной социальной интерпретации.

Уже во введении Б. Говедарица достаточно четко очерчивает тот круг проблем, которые возникают при изучении захоронений раннего степного энеолита. Главная из них сопряжена с их культурной атрибуцией, что обусловлено, с одной стороны, крайне протяженным пространственным охватом от Карпатского бассейна и Фракии до Урала, с другой – жестко выдержанными погребальными канонами. Другая проблема связана с локализацией первоначального появления нового погребального обряда и условиями его дальнейшего распространения. В последнем случае, как полагает автор, речь

может идти как о прямой миграции носителей данных культурных традиций на другие территории, так и о распространении определенной идеологической парадигмы или же более сложном процессе, который включал в себя обе эти формы культурной экспансии. Одним из главных обстоятельств, существенно затрудняющих понимание этой группы памятников, по мнению Б. Говедарицы, является отсутствие поселений, которые соответствовали бы могильным комплексам. С этим, в сущности, можно согласиться, но только в том случае, если признать, что данные захоронения носят надкультурный характер и никак не связаны с местными культурными группами степной зоны. И здесь позиция автора выявляется предельно однозначно, поскольку изучаемые памятники оцениваются как сугубо самостоятельное культурное явление в рамках степного энеолита. Иными словами, их, или, по крайней мере, какую-то часть, не следует соотносить ни с одним из известных степных культурных объединений, будь то новоданиловская или скелянская (по Ю.Я. Рассамкину), среднестоговская, хвалынская и закубанская культуры.

При таком видении ситуации возникает естественный вопрос, какие же конкретно комплексы должны быть включены в это культурное явление и какие должны остаться за его пределами? Вопрос этот далеко не простой, поскольку исследуемые памятники нередко расположены в ареалах перечисленных культур и, помимо того, по целому ряду признаков ничем не отличаются от других синхронных захоронений степной зоны. К сожалению, критерии, по которым отбирался материал для анализа, автором специально не оговариваются. Всего в работе были учтены 38 памятников, содержащих 82 захоронения с 92 погребенными и расположенных в пяти природно-географических зонах: в Карпатском бассейне, Северо-Западном и Западном Причерноморье, Азово-Понтийских степях, Волго-Каспийском регионе и на Северном Кавказе. Этот перечень дополняют 7 местонахождений со случайными находками, которые, вероятно, происходят из разрушенных могил. Можно полагать, что данный список далеко не полный. Не понятно, по каким причинам в него не были включены погребения из Суворовского могильника в Ставрополье, Кошар, Любимовки, Нижнего Рогачика, Кута, Аксая и ряд других комплексов. В большинстве из них содержался типичный раннеэнеолитический инвентарь, например, длинные ножевидные пластины из кремня, которые впоследствии почти не встречаются ни в позднем энеолите, ни в раннем бронзовом веке. Правда, автор упоминает некоторые из них в тексте (с. 142), ссы-

лаясь на то, что они не опубликованы. Вместе с тем, имеющейся информации вполне достаточно, чтобы определить, по крайней мере, хронологическую позицию и типологические особенности этих погребений. При том, в общем-то, ограниченном наборе источников, находящихся в распоряжении автора, любые дополнительные сведения имеют первостепенное значение и, по-видимому, порой способны существенно повлиять на конечные результаты исследования. Например, на карте (рис. 1) заметен довольно значительный территориальный разрыв между памятниками Северо-Западного Причерноморья и Днепровского бассейна, и Б. Говедарица специально комментирует эту ситуацию, предполагая или недостаточную изученность этой территории, либо какие-то специфические особенности в локализации памятников. Но как раз посередине между Днестром и Днепром, на Тилигульском лимане, еще в 60-х годах было открыто погребение в Кошарах, и показательно, что именно здесь впоследствии был выявлен целый раннеэнеолитический могильник. Все это говорит о том, что при максимальном учете всех доступных материалов картина распределения раннеэнеолитических погребений выглядела бы гораздо равномернее, причем это касается большинства географических зон, выделяемых автором, возможно, за исключением Карпатского бассейна и Западного Причерноморья.

Достаточно много места в работе уделяется характеристике природно-климатических условий, при которых происходило формирование обряда «охровых» погребений (с. 22-29). Они рассматриваются отдельно для Карпатского бассейна, Причерноморской зоны и Азово-Каспийского региона. В итоге автор приходит к выводу о том, что время появления и развития изучаемого культурного явления, приходящееся на заключительную фазу атлантического периода в V тыс. до н.э., отличалось довольно благоприятной природно-климатической обстановкой, способствовавшей, в частности, демографическому росту и расцвету земледельческих энеолитических культур Юго-Восточной Европы. А это, в свою очередь, могло как-то обусловить усиление влияния этих культур на соседние и более отдаленные территории степного ареала. Кризисные тенденции наблюдаются лишь в следующем тысячелетии, при переходе к суббореалу, что выражалось в резком похолодании и аридизации климата, сопровождавшихся весьма значительной трансгрессией Черного и Каспийского морей.

Вместе с тем, вряд ли события позднего Атлантика и начала суббореала могут трактоваться столь однозначно. По всей видимости, именно

конец Атлантика, когда появляются «охровые» погребения, характеризовался заметными климатическими колебаниями и, в целом, относительно нестабильными условиями с повышенной летней температурой и засушливыми периодами, при которых обитание в степном поясе было весьма проблематичным. По крайней мере, на это как будто указывают недавние реконструкции российских специалистов. Климатический оптимум в степной зоне, согласно этим исследованиям, наступает в начале IV тыс. до н.э.

В этом контексте не исключено, что и ареал земледельческих культур Юго-Восточной Европы, или его какая-то часть, также оказался в кризисной зоне, и тогда внешние признаки расцвета, воплощенные в «золотых» погребениях Варненского некрополя, по сути, отражают кризисное состояние земледельческих обществ. Повсеместное потепление климата могло, безусловно, вызвать значительное изменение водного режима, что должно было негативно сказаться на условиях землепользования за счет повышения уровня грунтовых вод, частых наводнениях и т.п. на самых различных европейских территориях. В данном отношении, например, весьма показательны стратиграфические наблюдения на многослойном памятнике Хенаухоф I в южной части Федерзее (Federsee Moor) в северо-альпийском регионе, где поселение культуры Рёссен было затоплено в результате трансгрессии между 4300 и 4200 гг. до н.э., то есть в период существования балканских энеолитических культур и функционирования могильников с «охровыми» захоронениями в южнорусских степях. Указанные обстоятельства представляются достаточно важными, поскольку они могут свидетельствовать о том, что существенная трансформация степных культур раннего энеолита происходила в сложных экологических условиях. Тогда восприятие иных культурных стандартов в сфере ритуала, в данном случае карпато-балканского типа, являлись своего рода реакцией на эти условия: бывают ситуации, когда чужие боги помогают лучше своих.

Особое место в работе уделяется вопросу о формировании взглядов на специфику степных погребений раннего энеолита, что прослеживается на фоне развития исследований в Карпато-Балканском регионе. Автор выделяет четыре этапа в истории исследований, начиная с конца XIX в. и заканчивая 90-ми годами прошлого столетия, в ходе которых шло постепенное накопление материалов и выстраивались основные аналитические направления и интерпретационные модели. Это позволяет Б. Говедарице достаточно четко сформулировать сегодняшнее состояние проблемы, определить основные противоречия в понимании изучаемого феномена и

предложить свой подход в решении данных противоречий. Главное из них видится в таксономической оценке комплексов, при которой одни специалисты рассматривают их в пределах обширной культурно-исторической общности, другие – в качестве относительно самостоятельных локальных подразделений или отдельных культур: новоданиловской (скелянской), суворовской, закубанской и т.п., которые не обязательно связаны генетически. При этом границы этих культур или групп также проводятся по-разному. Такие разногласия, по мнению Б. Говедарицы, обусловлены, с одной стороны, отсутствием детального анализа всей совокупности признаков (с. 60), с другой – разными хронологическими схемами, которыми оперируют исследователи (с. 43).

Один из способов уточнения хронологической позиции исследуемых комплексов Б. Говедарица видит в определении временных рамок энеолитической эпохи и в более детализированной синхронизации культурных объединений степного ареала с культурой Кукутень-Триполье и другими культурными объединениями Карпато-Балканского региона. С этой целью, в частности, рассматриваются системы периодизации, принятые в различных странах Юго-Восточной и Восточной Европы, согласно которым начало и завершение энеолита иногда разнятся в несколько сотен лет (с. 44-53). Нельзя не согласиться с автором, что эти противоречия вызваны разными критериями, хотя в тексте характеристика этих критериев не развернута. Речь, скорее всего, идет о культурно-исторических показателях, поскольку именно они выводятся на первый план при проведении верхней хронологической границы эпохи: классический Баден и ямная культура как объединения принципиально нового типа. Не совсем понятно, на каком основании определяется нижняя граница, которая помещается в период Прекукутень III, Прототисаполгар и т.д., хотя, в общем, с этим можно согласиться. Именно в это время, действительно, наблюдается заметный рост металлообработки, и металлические изделия начинают активно циркулировать в социально-престижной сфере. Вместе с тем, отнесение культур Чернавода III, Болераз, Усатово и других синхронных подразделений к позднему энеолиту вряд ли оправдано. И по формально-технологическим, и по культурно-историческим критериям они вполне вписываются в самое начало бронзового века. Именно этот период отмечен синхронным появлением в различных европейских регионах культур принципиально нового типа и, параллельно, повсеместным переходом к мышьяковистым сплавам.

Синхронизация памятников в исследуемом ареале проводится первоначально отдельно в рамках культуры Кукутень-Триполье и в границах степных культур, затем обе хронологические колонки сопоставляются между собой. В общих чертах, результаты этого сравнения, приведенные в тексте (с. 226) и в синхронистической таблице (Abb. 56), вполне адекватно отражают сегодняшние представления о хронологическом соотношении трипольских и степных памятников, хотя здесь также имеются небесспорные моменты. Не понятно, например, почему автор не использовал последние разработки украинских археологов по абсолютной и относительной хронологии Кукутень-Триполье. Не совсем ясно выглядит хронологическая последовательность культур Волго-Каспийского региона. Но в целом, конечные выводы выглядят вполне обоснованными, что является крайне важным для построения периодизации «охровых» погребений.

Разработка периодизации проводится Б. Говедарицей, главным образом, в двух аспектах: посредством классификации всех доступных признаков погребального обряда (с. 167-206) и путем их типологического сопоставления с материалами соседних культур (с. 229-249). При классификации изделий учитывались как их морфологические особенности, так и функциональная нагрузка. В первом случае автору вполне удалось справиться с поставленной задачей и в полном объеме охарактеризовать все черты погребального обряда и предметов инвентаря. С функциональной же принадлежностью вещей все не так просто.

Сам вопрос о реальном предназначении того или иного объекта является весьма непростым, и в археологии уже давно закрепились традиции относить непонятные вещи, от греха подальше, к культовой сфере. Действительно, далеко не всегда понятно, как функционировал тот или иной предмет в прошлой культуре, как изменялся его семиотический статус при переходе из области профанной в сакральную, как использовались суррогаты вещей в ритуале. Б. Говедарица разделяет все изделия на несколько категорий: орудия труда, оружие, украшения, керамика и т.д. Но уже между оружием и орудиями порой бывает сложно провести четкое разграничение. К примеру, крупные кремневые пластины классифицируются как кинжалы, то есть предметы вооружения (с. 181-182), тогда как остальные пластины относятся к типу ножей или к категории орудий. Однако можно отметить, что в одном из детских погребений в Джурджулештах пространственное распределение небольших кремневых пластин напоминает

расстановку предметов вооружения в соседней мужской могиле. Более того, одна из пластин была зажата в правой руке ребенка, соответствуя аналогичному положению крупных кинжалов в некоторых степных захоронениях взрослых индивидов. По-видимому, предназначение вещи должно определяться не только вследствие ее морфологических качеств или размерных показателей, но и с учетом контекста ее залегания в комплексе.

Справедливости ради надо сказать, что некоторые предметы, действительно, могут поставить исследователя в тупик, например, модель фаллоса из оленьего рога в мужском погребении Джурджулештского могильника. Б. Говедарица интерпретировал ее как культовый или магический предмет, но с таким же успехом ее можно отнести к категории оружия, орудий или даже украшений. В любом случае это будет достаточно субъективная оценка, обусловленная знаниями, опытом и мировоззрением исследователя. Подобных примеров можно приводить сколько угодно.

Последующее сопоставление предметов инвентаря из «охровых» погребений с материалами сопредельных культур, в сущности, представляет собой поиск хронологических индикаторов, которые позволили бы поместить, по возможности, каждый комплекс в соответствующий хронологический контекст. В итоге Б. Говедарице удалось выявить шесть категорий таких индикаторов (с. 248), которые обладают разным идентификационным потенциалом. Некоторые индикаторы умещаются в очень узкие временные рамки, другие функционируют в пределах относительно широкого диапазона, захватывая поздний энеолит, тогда как часть из них вообще выпадает за границы раннего энеолита, например, топор типа Ясладань из Деча Мурешулуй и шнуровая керамика из Александровска. Не со всеми из предложенных датировок можно согласиться. Например, сосуд из Кайнар в категории «В» скорее соответствует периоду Кукутень А3, а не А2 или даже Прекукутень III, находя весьма точные параллели в верхнем горизонте Новых Русешт. Также, вероятно, излишне занижена дата горшка из Джурджулешт, который вполне соответствует керамике культуры Гумельница А2. Составной меч из Джурджулешт в категории «А», по-видимому, вообще нельзя привлекать в качестве индикатора в силу его уникальности.

Все эти замечания принципиально важны, поскольку на основе таких индикаторов и выстраивается периодизация «охровых» захоронений. Всего Б. Говедарица выделяет три периода в развитии данного погребального обряда. Первый из них, «доскипетровый», подразделя-

ется на две фазы: Джурджулешты и Чапли-Кайнары и синхронизируется с периодом Прекукутень III-Кукутень А1-А2. В это время охровые погребения регистрируются только в Северном Причерноморье и не известны в других регионах (с.253-260). Во втором периоде, «скипетровбулав», датируемом временем Кукутень А2/А3, аналогичные комплексы появляются в Трансильвании (вариант Деча) и достигают Предкавказья (вариант Мариуполь), но фактически полностью отсутствуют в Северном Причерноморье, что, по мнению автора, может объясняться краткостью этого периода и недостаточной изученностью территории (с. 260-264). Третий период (Кукутень А3-А4), «скипетров/топоров», является временем наибольшего распространения и, параллельно, этапом наибольшей регионализации прежде достаточно однородного массива. «Охровые» погребения встречаются практически во всех областях исследуемого ареала (с. 265-276). Именно в пределах этого горизонта формируются самостоятельные суворовская, новоданиловская и волжско-кавказская группы.

Несмотря на всю оригинальность и несомненную привлекательность предложенной схемы, не все ее элементы можно принять безоговорочно. Прежде всего, вызывает возражение слишком ранняя датировка первого «доскипетрового» периода. И Джурджулешты, и Кайнары, и Кривой Рог вряд ли могут быть помещены в период Кукутень А1-А2, а тем более Прекукутень III, для этого, похоже, нет никаких оснований. По основным структурным показателям погребение 4 Джурджулештского могильника скорее сопоставимо с погребением 43 I-го Варненского некрополя, а не с захоронением из Варны II, как считает автор. Кроме того, сосуд из могильника, как уже отмечалось, аналогичен керамике культуры Гумельница А2, синхронной памятникам Кукутень А3-А4. Кстати, радиоуглеродная дата из Джурджулешт также указывает на этот период. То же самое можно сказать и о погребении в Кайнарах. По всей вероятности, именно этим временем и можно датировать начало формирования рассматриваемой погребальной практики, но никак не раньше. Верхняя хронологическая граница, по-видимому, должна проходить где-то в пределах периода Кукутень А-В – Триполье В1-В2, если судить по топору типа Ширия из Фэлчиу. На памятниках времени Кукутень А–Триполье В1 эти топоры до сих пор не встречались. Вероятность такой датировки поздних «охровых» погребений не исключает и сам Б. Говедарица. В итоге, все памятники можно разделить на два периода, первый из которых должен соответствовать периоду Кукутень А3-А4, а второй – периоду Кукутень АВ.

Особое место в работе занимает проблема происхождения специфического погребального обряда в раннем энеолите юга Восточной Европы. Один из возможных вариантов решения этой проблемы Б. Говедарица видит в сравнительном изучении обрядовых характеристик соседних культур. В русле этого подхода анализируются наиболее известные погребальные памятники Карпатского бассейна, Северо-Восточных Балкан и степной зоны. Сопоставление проводится по нескольким параметрам, куда входят характер могильников, особенности обращения с умершим, структура и количественные показатели инвентаря и т.д. Картина, на первый взгляд, получается довольно противоречивая. По одним признакам (характер могильников, поза погребенных) «охровые» захоронения более соответствуют обряду других степных культур, таких как самарская, хвалынская, среднестоговская. По другим чертам (структура и состав инвентаря, например) они в значительной степени близки могильникам раннеземледельческих культур. Какие признаки в данном случае являются определяющими?

Мнение Б. Говедарицы склоняется в сторону культур земледельческого круга как источника степных инноваций. Особое значение при этом придается специфике погребального инвентаря и способу размещения усопших. Очевидные параллели между вещами из погребений Карпато-Балканского региона и «охровых» могил уже неоднократно отмечались различными исследователями. Однако автор справедливо подчеркивает, что речь идет не просто о сходстве на уровне отдельных предметов, но о сходстве структурном, когда в степь переносится целый пакет взаимосвязанных элементов. Это позволяет говорить о трансляции идеологически значимой информации, которая адаптируется в степной зоне. Это не просто обмен вещами, это обмен определенными ценностями нематериального свойства.

Если влияние земледельческих культур на объединения степной зоны, выраженное в одинаковых инвентарных наборах, кажется вполне очевидным, то появление новой позы погребенных трудно объяснить столь же просто. Б. Говедарица, несомненно, прав, когда указывает на отсутствие в степи в предшествующий неолитический период каких-либо проявлений подобной обрядовой черты. С другой стороны, как правильно отмечает автор, погребения со скорченными на спине костяками в других европейских регионах известны, по крайней мере, с позднего неолита, и именно оттуда, с запада, этот обрядовый элемент мог быть привнесен в аре-

ал степных культур. Однако это не объясняет причины, по которым такая поза становится одним из главных атрибутирующих признаков «охровых захоронений». По-видимому, это связано с ее особой семантикой, но какой? С большой долей вероятности можно предположить, что данная позиция погребенного имитирует сидячее положение. В некоторых случаях верхняя часть тела и/или голова даже специально приподняты, по-видимому, чтобы усилить это впечатление. И здесь уместно вспомнить целую серию так называемых поздненеолитических «Венер» из бассейна Тисы, которые в глине передают сидящую фигуру с руками, уложенными на тазе или в нижней части живота. Аналогичные статуэтки также встречаются и во многих других культурах карпато-балканского и центрально-европейского круга. Трудно сказать, являются ли эти фигурки изображениями божеств или предков, но второе предположение кажется более предпочтительным. В этом контексте можно допустить, что такая позиция человека рассматривалась как идеологически, социально и, что важно, ритуально значимой и вполне могла экстраполироваться в область погребальной практики. Трудно сказать однозначно, почему данная позиция погребенного так укоренилась в степной среде, но, скорее всего, она могла расцениваться как один из престижных элементов в рамках всего пакета инноваций, передаваемого на восток.

Формирование обряда «охровых» погребений именно в западной части их ареала Б. Говедарица, как кажется, вполне правомерно соотносит с процессом внедрения производящего хозяйства в мир степных культур. Именно носители этих новых культурных традиций явились той чрезвычайно динамичной передаточной средой, которая переносила новые культурные стандарты на огромные расстояния, превращая степные территории в единую коммуникационную систему и приобщая местные группы к передовым достижениям карпато-балканских земледельческих культур.

В целом, книга Б. Говедарицы, безусловно, может расцениваться как значительное событие в археологии степей Восточной Европы. В ней можно найти и масштабность охвата, и проработанность источников, и нетривиальность подхода, и скрупулезность анализа и несомненную оригинальность выводов. Пожалуй, одно из главных достоинств работы заключается в том, что она предельно ясно высвечивает наиболее дискуссионные вопросы, связанные с ранними этапами степного энеолита, стимулирует дальнейшую дискуссию.